

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «БРАТЧИНА» (1859 Г.) И ОТЗЫВ НА НЕГО Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

А. Ш. Бик-Булатов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию: 10 октября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается литературно-публицистический сборник «Братчина» (1859) в контексте процессов развития казанской журналистики середины XIX века, а также исследуется отклик на этот сборник ведущего публициста журнала «Современник» Н. А. Добролюбова.

Ключевые слова: «Братчина», Добролюбов, 1859, казанская журналистика.

Abstract: *The article examines the literary and journalistic miscellany «Bratchina» (1859) in the context of the development of Kazan journalism in the mid-19th century, and examines the leading publicist of the journal «Sovremennik» N. A. Dobrolyubov's response to this collection.*

Key words: «Bratchina», 1859, Kazan journalism, N. A. Dobrolyubov.

Публицистический сборник «Братчина», составленный выпускниками Казанского университета в 1859 году редко останавливает на себе внимание современных исследователей. Между тем, в свое время он прозвучал довольно заметно, рецензию на него опубликовал один из самых популярных публицистов того времени, кумир молодежи и один из лидеров журнала «Современник» Н. А. Добролюбов. Особый интерес представляет участие в сборнике двух больших русских писателей П. И. Мельникова-Печерского и С. Т. Аксакова, именно в этом контексте сборник упоминается в единственной обнаруженной нами современной статье, где «Братчине» уделено некоторое внимание. Среди других статей сборника выделяется еще статья-воспоминание академика Пекарского о бывшем казанском профессоре Мейере, ссылки на неё можно обнаружить в некоторых, в том числе современных трудах о В. Г. Белинском. Профессор Мейер был активным пропагандистом Белинского среди казанских студентов.

Ни разу сборник «Братчина» не включался в контекст истории казанской журналистики, между тем, и его авторы (бывшие студенты), и тематика, и назначение (в помощь беднейшего казанского студенчества) тесно связаны с Казанью, само издание и история появления «Братчины», выпущенной в Санкт-Петербурге, восходит к празднованию юбилея Казанского университета, бывшего среди прочего колыбелью казанской прессы.

Важно ещё, что авторы сборника объединяются здесь в качестве студентов (хоть и окончивших курс уже давно) Казанского университета. Этот студенческий модус во всей истории казанской журналистики имел важное значение. В первой казанской газете

«Казанские известия» (1811–1820 гг.) студенты мало участвовали или просто не допускались в неё. Решение об учреждении газеты утверждалось на самом высоком уровне на совещании министров с участием министра внутренних дел и министра народного просвещения, с личной визой императора Александра I; тон в газете задавали профессор. Зато первое поколение студентов составило первый костяк учреждённого Казанского общества любителей отечественной словесности (с 1806 г.), а также еще до появления «Казанских известий» выпускало свои рукописные журналы («Аркадские пастушки»; «Журнал наших занятий»). Это-то самое первое поколение казанских студентов и представлял в «Братчине» Аксаков.

Традиции рукописных студенческих журналов, зародившиеся в Казани с 1800-х годов не прерывались и в 1830-е годы (ср.: журнал «Северное созвездие» Евл. Огородникова) и в общем являли собой некий альтернативный взгляд по сравнению с молодой казанской официальной журналистикой, официозно-консервативной.

С 1860-х годов начинается радикализация студенческого движения, а вместе с тем — активный приход студентов в качестве авторов в легальную казанскую прессу. В основном это будут студенты-разночинцы, молодые демократы. Но и сама казанская печать с 1870-х годов вступает в новую эру после первого «университетского» периода (1811–1834), и второго «губернского» (центральная газета — «Казанские губернские ведомости» с 1838 года). Наступит, наконец, эпоха частной провинциальной прессы (рубеж 1860–1870-х гг.). Выход сборника «Братчина» (1859) пришёлся на переходное время в истории казанской прессы, а также в истории казанского студенчества. Студенты-выпускники ранних поколений, авторы сборника «Братчина», в отличие от тех, кто

уже очень скоро придет им на смену (разночинцев-демократов 1860-х годов), не ощущают себя оппозиционерами, а напротив, соратниками, сорботниками правительства в деле просвещения российского общества, многие из них на момент выхода «Братчины» сами стали преподавателями, профессорами, или профессиональными писателями, ответственными чиновниками.

Все же их вписанность в студенческую традицию, самоощущение и самоназывание себя студентами-выпускниками — позволяет отнести сборник «Братчина» и рассматривать его в общем контексте казанской студенческой журналистики (памятуя, конечно, о современном сборнику возрасте и статусе его авторов).

«Братчина» также — первый в таком роде публицистический сборник статей, составленный частными лицами, в истории казанской журналистики. С конца 1870-х, по закрытию «Камско-Волжской газеты» (в 1874 году), издание сборников этого рода станет в Казани долгоиграющим трендом: в 1876 г. издается «Первый шаг», в 1877 г. — «Литературные блины»; далее — «Казанский литературный сборник», «Сборник для голодающих», «Голодным на хлеб» и т.д.

Открывается сборник небольшим предисловием П. И. Мельникова, которое полностью перепечатывает в своей рецензии Н. А. Добролюбов: «Бывшие студенты императорского Казанского университета на обеде 5 ноября 1857 года положили издать в пользу недостаточных студентов этого заведения учено-литературный сборник на следующих основаниях:

1) Поместить в нем статьи, написанные лицами, получившими образование в Казанском университете.

2) Издержки по изданию покрыть сбором денег по подписке, к которой приглашены все бывшие студенты Казанского университета.

3) Вырученные от продажи деньги немедленно отправить по назначению.

4) Просить первого студента Казанского университета, Сергея Тимофеевича Аксакова, дать название сборнику.

5) Редакцию сборника поручить П. Мельникову.

Покойный Сергей Тимофеевич Аксаков предложил назвать сборник «Братчиной» и доставил для него статью «Собирание бабочек» — одно из последних произведений известного нашего писателя» [1, 228–229].

Упомянутый обед, на котором было принято решение печатать сборник, прошёл в Санкт-Петербурге и был приурочен к 53 годовщине университета. А. Е. Гаврилова отмечает, что событие это (обед от 5 нояб. 1857) — «стало знаковым для предреформенного времени, так как представляло собой не просто вечер воспоминаний бывших студентов. Выпускники университета, служащие России на самых разных поприщах, собрались поприветствовать те положительные изменения, которые наступали в обществен-

ной жизни России в новое царствование и выразить свою преданность императору (Александру II, будущему царю-освободителю — А.Б.)».

Отчёт об обеде был опубликован в «Русском вестнике». Одним из главных событий стала речь П. И. Мельникова, в ней была дана высокая оценка С. Т. Аксакову и его заслугам перед русской литературой и культурной жизнью: «Сергей Тимофеевич Аксаков бесспорно — первый студент Казанского университета! Так же бесспорно — он один из первых российских писателей!» [2, 64]. Эти слова были встречены рукоплесканиями. Ответное письмо зачитывал сын писателя, известный журналист Иван Сергеевич Аксаков, присовокупив от себя такие слова: «Единоедушное сочувствие ваше и всей русской публики к моему отцу служит лучшим доказательством, как высоко умеет ценить русское общество гражданскую честность писателя, чистоту его авторского служения, искренность, правду, независимость его печатного слова <...> Пусть же оправдается современное великое призвание русской литературы, пусть высоко горит ее светочь, озаряя путь русскому обществу, разливая своё сияние всюду, мимо всех преград» [2, 66].

Конечно, в этом смысле, то, что сборник «Братчина» открывался очерком С. Т. Аксакова — имело для составителей символическое значение. П. И. Мельников (редактор) получил от Сергея Тимофеевича очерк «Собирание бабочек» в сентябре 1858. В ответном письме он сообщал: «Не знаю, как и благодарить Вас, высокоуважаемый Сергей Тимофеевич, за Ваших бабочек, за Вашу статью, которая также прекрасна, как бабочки» [3, 19].

Исследователь А. Е. Гаврилова предпочитает рассматривать этот очерк в контексте других, и прекрасных (многими отмеченных) природных очерков С. Аксакова. Искусствовед Светлана Соболевская в своем блоге, упоминая очерк [4], акцент делает на том, что главным вдохновителем С. Аксакова делается известный казанский ботаник, врач, нумизмат и профессор Карл Фукс, о чём писатель, действительно, много пишет в своём очерке.

А вот критику-демократу Н. Добролюбову в очерке С. Аксакова важна не собственно природа, а тогдашняя страстность Сергея Тимофеевича, которая, к сожалению автора, употреблена А. Аксаковым всего лишь на бабочек, а не на более серьёзное дело.

«Открывается она (т.е. книжка сборника «Братчина» — А.Б.) статьей С. Т. Аксакова «Собирание бабочек», из которой видно, что почтенный автор «Семейной хроники» исполнен был страстною любовью не к одним птицам и рыбам, но и к бабочкам. Весьма живо и трогательно описывает он свою страсть к их собиранию, драматическую борьбу с другим товарищем, который тоже составлял собрание насекомых, восторги свои, когда ему удавалось поймать такую бабочку, какой не было у товарища, и пр.»

«В заключение своего рассказа автор восклицает: «Быстро, но горячо прошла по душе моей страсть — иначе я не могу назвать ее — ловить и собирать бабочек. Она доходила до излишеств, до крайностей, до смешного; может быть, на несколько месяцев она помешала мне внимательно слушать лекции... нужды нет! Я не жалею об этом. *Всякое бескорыстное стремление, напряжение сил душевных нравственно полезно человеку* (курсив Н. А. Добролюбова — А.Б.). На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминание этого времени, многих счастливых, блаженных часов». Прочитав это признание и припомнив, сколько душевных сил уходило у автора на собирание бабочек, как потом на ужение рыбы и на прекрасное чтение плохих стихов разных знаменитостей по их просьбе, — мы могли только воскликнуть от глубины души: *O, que de biens perdus! O, trop heureux enfant! O, сколько хорошего утрачено! O, счастливейшее дитя!* (франц.)» [1, 230].

Для исследователей же казанского текста очерк С. Т. Аксакова ценен не столько политическим подтекстом (который пытается ему приписать Н. Добролюбов), сколько своими краеведческими подробностями, описаниями знаменитых русско-татарских кулачных боёв на озере Кабан или стихийного рынка и гуляний на р. Булак, или сведениями о Запольском, преподававшем у С. Аксакова будущем основателе газеты «Казанские известия».

Описание кулачных боёв у Аксакова имеет все признаки репортажного жанра. Но обращает внимание: когда заканчивается свидетельство очевидца — что он видел сам, и начинаются слухи: «мне сказывали» — как меняется впечатление. Видел С. Аксаков бой равных, соблюдающих правила, а рассказы слышал, рисующие татар правонарушителями и всегда проигрывавшими:

«Бой, который видел я, происходил, однако, в должных границах и по правилам, которые нарушались только тогда, когда случалось одолевать татарам. Бойцы, выстроившись в две стены, одна против другой, на порядочном расстоянии, долго стояли в бездействии, и только одни мальчишки высказывали с обеих сторон на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмешками или похвалами взрослых; наконец, вышел вперед известный боец Абдулка, и сейчас явился перед ним также известный боец Никита; татарин полетел с ног и вместо него вырос другой. Между тем в нескольких местах начали биться попарно разные бойцы. Удача была сначала равная: падали татары, падали и русские. Вставая, кто держался за бок, кто за скулу, а иных и уносили. Вдруг с страшным криком татары бросились стеной на стену — и завязалась ужасная, вполне рукопашная драка; но татары держались недолго, скоро попятити их назад, и они побежали. Русские преследовали их до берегов Кабана и с торжеством воротились. Мне сказывали, что

когда случалось одолевать татарам, то они преследовали русских даже в их избах и что тут-то вновь восстанавливался ожесточенный бой, в котором принимали участие и старики, и женщины, и дети: дрались уже чем ни попало. Такая схватка всегда оканчивалась бегством татар» [5, 6–7].

Но самые важные для Н. Добролюбова статьи в сборнике «Братчина» — это очерк П. Пекарского о Мейере и В. Панаева о Державине. Думается, из-за них прежде всего он и откликнулся на «Братчину» обширной рецензией. Критик нашёл общую для двух очерков тему, по которой их можно столкнуть лбами, один пункт, по которому эти очерки противоположны, а именно: по вопросу отношения «профессор — студент», читай, всё та же знаменитая дихотомия: «отцы и дети».

И если отношение молодого Панаева-отца к Державину (автор очерка В. Панаев вспоминает о дружбе своего батюшки и великого поэта) зиждется на подбострастии и чинопочитании, и будучи таковым, принимается как должное престарелым сановником-поэтом Гавриилой Романовичем, то, напротив, отношения профессора Мейера к своим студентам (судя по статье П. Пекарского) самые демократические, без чинов! И это-то как раз и сделало его авторитетом в глазах студентов. То есть не его чин и звание профессора, а его честность, открытость и демократизм. И Добролюбов за это профессора Мейера хвалит. А студентов — опытный нигилист Добролюбов, напротив, журит: потому что даже честность и демократизм Мейера — ещё не повод, считает Н. А. Добролюбов, превращать того в непререкаемый авторитет.

Но фигура Мейера важна критику «Современника» Николаю Александровичу Добролюбову не только в свете этой дихотомии, но и сама по себе. Мейер — прогрессивный профессор.

Во-первых, он яркий агитатор против крепостного права на своих лекциях. Вот что пишет академик П. П. Пекарский в «Братчине»: «Мейер был враг лжи, и в своих лекциях он гнушался доказывать своим слушателям, что черное при известных обстоятельствах бывает белым. Правдивость и откровенность Мейера были главнейшею причиною того обаятельного влияния, которое он имел на своих слушателей. ... В гражданском праве, доходя до отдела об объектах имущественных прав, Мейер всегда высказывал мысль о несостоятельности учреждений, в силу которых допускалось, что человек... мог быть, при известных обстоятельствах, объектом права собственности... [5, 126, 129].

Н. Добролюбов в подцензурном «Современнике» выбирает для цитирования из очерка Пекарского не столь явно относящийся к отмене крепостного права отрывок, однако цитату не менее знаковую: показывающую, что Пекарский — был пропагандистом Белинского (которого сам Н. Добролюбов почитает как одного из своих учителей, хотя Виссари-

он Григорьевич умер задолго до того, как Николай Добролюбов дебютировал в печати), причём пропагандировал его Мейер своим студентам в те годы, когда политически это было небезопасно. Вот эта цитата Пекарского, которую приводит в своей рецензии Н. Добролюбов.

«В те времена в Казани существовал на Воскресенской улице кафе-ресторан Берти, куда собирались после лекций некоторые бездомные студенты; туда же первое время, когда еще не успел обзавестись своим хозяйством, ходил обедать и Мейер. Заметив между студентами своих слушателей, он тотчас же постарался занести с ними разговор. Как теперь помню, речь зашла о современной литературе и, следовательно, о журналистике. Тогдашние «Отечественные записки» читались с большою охотою студентами, которые были в восторге от Гоголя и осыпали насмешками «Москвитянина», силившегося тогда в критическом отделе восставать против «Отечественных записок». Критика последнего журнала, напротив, находила такое одобрение, что целые страницы разборов многим известны были почти наизусть. Однако студенты не знали автора их и, в провинциальной наивности, уверены были, что нравившиеся им критические статьи писаны самим редактором «Отечественных записок». Мейер вывел из заблуждения студентов, рассказав с большим увлечением, что за человек был Белинский, автор неподписанных критик, и какое значение имеет он для нашей литературы. Заметить надобно, что в сороковых годах в провинции все люди зрелых лет и известные своею солидностью, все, кто был с весом по своей должности или по владеемым ими душам, находили статьи Белинского или головоломными, или еретическими, а потому студенты очень удивились, что их профессор, читающий в аудитории такую мудрость, какой они еще и не раскусили хорошенько, удостоивает разделять их мнение касательно Белинского. Под конец беседы разговор так оживился, что студенты совершенно забыли, что рассуждают с профессором, и не чувствовали того нравственного гнета, который, вместе с благоговейным поддакиванием всему, что изречет профессор, убивает всякую самостоятельность мысли и делает из юноши какую-то благовоспитанную машину, но не человека» [1, 231–232].

Оставшиеся статьи сборника — «Неаполь» М. Веселовского (Веселовский Михаил Павлович (1823–1893) — экономист, журналист, драматург и переводчик, сотрудничал в «Современнике», впоследствии

сенатор); «О сочинениях Поэнсо» Д. Перевощикова (Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) — русский астроном, математик и механик, ректор Московского университета. Академик Петербургской академии наук), — рецензент-Добролюбов почти не достаивает своим вниманием, несколько больше останавливаясь на двух материалах последнего автора «Братчины» А. Ф. Мартынова — его рассказе «Швейка» и очерке «Некоторые заметки о быте вотякских крестьян». Из двух — Н. Добролюбов, конечно, отдаёт предпочтение очерку, ибо там показана народность истинная, когда как в рассказе Мартынов пытается изобразить народность через подделывание под народную речь в репликах главной героини.

Мы видим, что, как и в других подобных случаях, Н. А. Добролюбов использует рецензию на сборник «Братчина» для манифестации своих политических идей. Между тем как общее значение сборника гораздо шире. Современные исследователи чаще останавливаются на изучении лишь отдельных материалов «Братчины» (прежде всего, очерков С. Аксакова и П. Пекарского), но не рассматривают его целиком. Мы в свою очередь считаем: можно заявить о месте и роли сборника «Братчина» в общей истории казанской журналистики, о включенности «Братчины» в нее. В этом контексте делаются особенно важными как непосредственно казанская повестка «Братчины», так и то, что этот сборник получил отклики в столичной прессе, среди которых и отзыв знаменитого Н. Добролюбова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Добролюбов Н. А. Братчина. Часть I. СПб. 1859. [рецензия]. — в.: Сочинения Н. А. Добролюбова. Издание О. Поповой. Т. III. СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1896. — С. 228–236.
2. Пятьдесят третья годовщина Казанского университета // Рус. вестн. 1857. Т. XII (нояб.), кн. 2, разд. Совр. летопись. С. 59–70.
3. Гаврилова А. Е. С. Т. Аксаков и П. И. Мельников-Печерский (к истории празднования пятьдесят третьей годовщины Казанского университета) / А. Е. Гаврилова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Вып. 2. — С. 15–21.
4. Соболевская С. Л. Карл Фукс. Гениальный учитель Сергея Аксакова / С. Л. Соболевская. — URL: <https://sobolevskaya-sv.livejournal.com/546052.html>. (дата обращения: свободный. 28.09.2021).
5. Братчина: Сб. студ. воспом. Имп. Казан. ун-та. СПб., 1859. Ч. 1.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Бик-Булатов А. Ш., кандидат филол. наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University
Bik-Bulatov A. Sh., Associate Professor. Candidate of Philology.
Department of National and Global Media
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru